

ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ

“КАРТИНУ С ТРОЦКИМ ПОКАЗЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ...”

(коммунистическая оппозиция в советском и российском кино)

Пожалуй, из всех сюжетов советской истории в отечественном кино скуднее всего представлена внутривластная борьба 1920-х годов. Хотя об этой эпохе снято немало картин, в основном они посвящены гражданской войне, противостоянию белых, красных, зелёных, службе чекистов и милиционеров... В некоторых фильмах отражаются мирные реалии нэпа, часто в юмористическом ключе (“12 стульев”, “Не может быть!”, “Собачье сердце” и др.). Однако по пальцам можно пересчитать киноленты, где хотя бы мельком показаны лидеры коммунистической оппозиции или их сторонники.

Значительно подробнее эта тема освещена в художественной литературе. Троцкисты и зиновьевцы действуют или упоминаются в романах “Как закалялась сталь” Николая Островского, “Мужество” Веры Кетлинской, “Вечный зов” Анатолия Иванова, “Во имя отца и сына” Ивана Шевцова, “Кануны” Василия Белова, “Ленинградская зима” Василия Ардаматского... В этих произведениях оппозиционеры представлены по-разному: это и запутавшиеся, хотя объективно честные коммунисты (“Как закалялась сталь”), и фанатики-“перегибщики” (“Кануны”), и сознательные враги советской власти, и, наконец, русофобы, для которых троцкизм – не столько политическая идея, сколько форма ненависти к России и русскому народу...

Киносудьбу Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и их соратников определил день 7 ноября 1927 года. Тогда в Москве и Ленинграде во время демонстраций в честь 10-летия Октябрьской революции сторонники объединённой (троцкистско-зиновьевской) оппозиции в последний раз попытались выйти на улицы со своими лозунгами и с портретами своих вождей. О том, как события этого дня повлияли на советское кино, написал в своих мемуарах режиссёр Г. В. Александров:

“Седьмого ноября с утра подчищали смонтированный материал. Вечером во время торжественного заседания в Большом театре планировался показ фильма “Октябрь”, а утром 7 ноября 1927 года состоялись открытые выступления троцкистской оппозиции. Представители оппозиционных сил с балконов домов обращались с речами к трудящимся Москвы, вышедшим на демонстрацию [...] Об этом мы узнали позднее: сотрудники Госкино, где мы работали, ни при каких обстоятельствах не должны были нас отвлекать [...] В четыре в монтажную вошёл И. В. Сталин. Поздоровавшись так, будто видит нас не первый раз, он спросил:

– У вас в картине есть Троцкий?

– Да, – ответил Сергей Михайлович [Эйзенштейн. – Т. Н.].

– Покажите эти части.

Сталин, строгий, задумчивый, не расположенный к беседе, молча прошёл в зал.

Механиков не было. Я сам пошёл в будку и крутил ролики, в которых присутствовал Троцкий. Эйзенштейн сидел рядом со Сталиным. После просмотра И. В. Сталин сообщил нам о выступлении троцкистской оппозиции [...] и заключил:

– Картину с Троцким сегодня показывать нельзя.

Три эпизода, в которых присутствовал Троцкий, мы успели вырезать. А две части фильма, в коих избавиться от Троцкого с помощью монтажных ножниц было затруднительно, просто отложили и перемонтировали эти части в течение ноября и декабря.

Вечером в Большом театре были показаны фактически лишь фрагменты нашего фильма**.

Оппозиция (лат. *Oppositio* – противопоставление) – это группа лиц внутри общества, партии, организации, ведущая политику противодействия, сопротивления большинству. К политической оппозиции можно отнести партию, ведущую открытую борьбу за власть, фракцию в парламенте или внутри партии. В любом случае политическая оппозиция легальна (хотя не все её действия могут быть публичными). В царское время к оппозиции можно было отнести кадетов или октябристов, представлявших солидные фракции в Государственной Думе.

После 1917 года большевики довольно быстро ликвидировали многопартийную систему, запретив одни партии (правые и “центристские”) и принудив к самороспуску другие (социалистической направленности). Однако внутри правящей партии открытая политическая борьба продолжалась вплоть до конца 1920-х годов. Коммунистическая оппозиция не была единым движением, а скорее разрозненными группировками со своими программами и лидерами.

В наши дни внутрипартийные конфликты 1920-х годов нередко сводят к банальной борьбе за власть, прежде всего, между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Такой взгляд явно преуменьшает исторический смысл противостояния. Хотя, разумеется, “воля к власти” тоже присутствовала, нельзя забывать о более глубоких причинах. Над великой страной с многомиллионным народом совершался беспрецедентный исторический эксперимент, и никто не мог в полной мере предвидеть его последствия. Затянувшаяся политическая смута, экономическая катастрофа внутри страны, провал революционных восстаний в Европе вынуждали большевиков к пересмотру собственных доктрин. Ликвидация многопартийной системы привела к сужению политического поля до размеров одной партии. Болезнь и смерть В. И. Ленина, единственного лидера, обладавшего бесспорным авторитетом, вывели на передний план вопрос о преемнике. Наконец, большевистские лидеры, лишив народ политической свободы, пока сохраняли её для себя. Вожди оппозиции занимали высокие посты в партии, государстве и армии, в ходе дискуссий предлагали свои “платформы” (программы) по экономическим, внутриполитическим и международным вопросам, излагали свои взгляды в партийных документах, брошюрах и публикациях СМИ, словом, до определённого момента вели довольно свободную политическую деятельность и имели шансы на победу. Политическая борьба проходила в обстановке относительной гласности: документы, стенограммы партийных съездов печатались в газетах, издавались отдельными книгами, причём от читателей не скрывались даже эмоциональные реакции и реплики из зала.

Разногласия внутри Российской коммунистической партии (большевиков), или РКП(б), проявились ещё в годы гражданской войны в выступлениях “левых коммунистов”, “военной” и “рабочей” оппозиции... В течение 1920-х годов партия несколько раз оказывалась на грани раскола. В 1921 году политический кризис был преодолен после введения нэпа (“новой экономической политики”). Осенью 1923 года глубокий хозяйственный упадок, рост цен, волна рабочих забастовок вызвали споры о правильности партийного курса. “Большинству” противостояла так называемая левая (троцкистская) оппозиция. В 1924 году обострившаяся борьба за “ленинское наследие”

* Александров Г. Эпоха и кино. М.: Изд-во политической литературы, 1976. С. 71-72.

вылилась в публичную дискуссию вокруг книги Троцкого “Уроки Октября”. В декабре 1925 года на XIV съезде партии выступила “новая оппозиция” в лице Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: они считали невозможным построение социализма в “лапотной” России без опоры на международные силы. Потерпев на съезде сокрушительное поражение и частично лишившись своих постов, Зиновьев и Каменев летом 1926 года создали единый политический блок (так называемую объединённую оппозицию) с Троцким, которого ещё недавно считали своим главным соперником.

К объединённой оппозиции принадлежали видные представители “ленинской гвардии”: Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Е. А. Преображенский, Н. К. Крупская, И. Т. Смилга, А. А. Иоффе, И. Н. Смирнов, Н. И. Муралов, С. В. Мрачковский, К. Б. Радек и многие другие. Помимо многочисленных сторонников в партии и комсомоле, оппозиционеры могли рассчитывать и на сочувствие “беспартийных масс”.

В течение полутора лет троцкисты и зиновьевцы вели напряжённую борьбу за первенство в партии, однако не нашли поддержки у большинства. К осени 1927 года они оказались практически вытеснены из легального политического пространства и перешли к полуподпольной деятельности (тайные собрания, копирование и распространение материалов оппозиции с помощью самиздата и т. д.). Уже упомянутые “параллельные” демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года стали последней попыткой оппозиционеров повести за собой “массы”. В дальнейшем события этого дня и последовавшие затем репрессии трактовались в СССР как законная реакция властей на антисоветское выступление со стороны троцкистов и зиновьевцев. Впрочем, поначалу наказания были относительно мягкими и затронули лишь “неразоружившихся” оппозиционеров (в частности, Л. Д. Троцкий в январе 1928 года был выслан в Алма-Ату, а год спустя — за пределы СССР). Остальные, совершив подобие религиозного покаяния, были в течение нескольких месяцев восстановлены в партии, получили более или менее значимые должности. Однако ни один из лидеров оппозиции больше никогда не поднялся на прежнюю высоту власти.

Сейчас уже не столь актуально, в чём заключались политические взгляды оппозиционеров 1920-х годов (тем более, в статье о кино). А вот их психологический образ заслуживает внимания, как несколько не устаревший и никуда не исчезнувший образец российской фронды. В этом смысле троцкисты и зиновьевцы имеют немало сходства с людьми, казалось бы, далёкими от них по политическим воззрениям, например, с советскими “шестидесятниками” или даже с современными российскими либералами. Во всех случаях идеологами движений являются представители элиты, люди, занимающие высокое положение в государстве и обществе. Для них характерно более или менее ярко выраженное чувство “избранности”, превосходства над “массами” или даже презрение к ним, а нередко — открытая декларация, даже бравирование неприязнью к России и русскому народу. Интересно, что “шестидесятники”, оставаясь в рамках советской идеологии и предпринимая своеобразные попытки ревизии марксизма-ленинизма, почти дословно воскресили лозунг троцкистско-зиновьевской оппозиции: “Назад — к Ленину”. Отсюда следовали другие принципы “шестидесятничества”: тезис о возвращении к “ленинским нормам” как образцу социалистической законности, романтизация В. И. Ленина и его “гвардии”, обвинения ошибок и преступлений советского периода искажениями ленинизма... Надо ли говорить, что эта идеология не выдержала испытания временем и потерпела крах уже в годы “перестройки”; причём первыми отреклись от “шестидесятничества” его главные проповедники.

Современные либералы тоже ностальгируют по временам смуты, но поминают, конечно, не Ленина, а Ельцина и “лихие девяностые”, ставшие раем для олигархов, бандитов и “грантоедов”. С доводами “новой оппозиции” перекликаются современные рассуждения об экономической и политической отсталости России, не способной самостоятельно догнать передовые страны. Наконец, идеи российской фронды содержат элементы социал-дарвинизма. Если в 1920-е годы принцип вытеснения из жизни “неудачников” выражался в кричалке “Комсомолец, бей отцов!” (популярной среди комсомольцев-опозиционеров) и системе “классовой” дискриминации, то либеральная пропаганда 1990-х годов настойчиво насаждала тезис, что люди, не сумевшие приспособиться к новым (“рыночным”) реалиям, не заслуживают сочувствия

и должны как можно скорее освободить место более молодым и удачливым хозяевам жизни*. Эта циничная формула периодически звучит и в наши дни: чем скорее уйдёт поколение “совка” (людей, сформировавшихся во времена СССР), тем ближе торжество демократии. Причём по мере отдаления советской эпохи эти “пожелания” переносятся на более молодые поколения, так что теперь, по мнению либералов, социальным “балластом”, тянущим страну назад, сделались люди, которым в годы “перестройки” было 20–25 лет.

Настоящим памятником социал-дарвинизму и лозунгу “назад – к Ельцину” стал Ельцин-центр в г. Екатеринбурге, открытый в 2015 году. При входе в музей на одной из стен висят таблички с именами благоустроителей и благоукрасителей этого храма демократии на обломках самовластья: Абрамович, Прохоров, Роснефть, Газпром... Словом, все, как на подбор, радетели о земле русской и особенно о её недрах.

Можно по-разному относиться к событиям августа 1991-го или октября 1993 года, но безусловно, организаторы и спонсоры Ельцин-центра, причисляя себя к победителям, могли бы помянуть добрым словом простых москвичей, вышедших тогда на улицы. Тем более что такая благодарность стоит недорого. Между тем, жертвы “августовского путча” представлены лишь снимком Ильи Кричевского. Дмитрий Комарь и Владимир Усов, погибшие в ту же ночь на 21 августа 1991 года, отсутствуют как класс (с чего бы это?). Выпали с “корабля истории” покончившие самоубийством Борис и Валентина Пуго, маршал С. Ф. Ахромеев, член ЦК КПСС Н. Е. Кручина, поэтесса Юлия Друнина, написавшая перед смертью, что не может смотреть, “как летит под откос Россия”... А в зале, посвящённом событиям 3–4 октября 1993 года, погибшие не упоминаются даже общим списком.

Лес рубят – щепки летят. И если “закат социализма” проиллюстрирован сразу двумя декорациями (пустой магазин и скромная советская квартира), то жизнь “простых” людей в 1990-е годы практически не представлена (иначе пришлось бы напомнить о разгуле преступности, массовом обнищании, беженцах, детях-беспризорниках, закрытых заводах и фабриках...). Имеется, правда, закуток с экспозицией о чеченской войне, но он едва заметен рядом с обширным залом, где рассказывается о сердечных (вернее, кардиологических) делах Бориса Николаевича. Словом, “лихие девяностые” показаны глазами не то олигарха, не то грантоеда, как великая эпоха – настолько великая, что изломанные судьбы отдельных людей не имеют значения. По крайней мере, если они не из “гнезда Борисова”. Тут невольно вспоминаются вожди 1920-х годов с их лозунгом “назад – к Ленину” и восприятием России как полигона для политических экспериментов...

Но вернёмся к советской истории. На рубеже 1920-х и 1930-х годов политика свёртывания нэпа, форсирования индустриализации и коллективизации подверглась критике со стороны так называемых правых уклонистов, иногда тоже называемых оппозиционерами, – Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского. “Правые” быстрее, что не избавило их от печальной участи. В 1936 году Томский покончил с собой, действовали не столь амбициозно, как Троцкий или Зиновьев, да и капитулировали а Бухарин и Рыков два года спустя были приговорены к смертной казни по приговору так называемого третьего московского процесса (право-троцкистского блока).

В 1930-е годы практически все видные (и не особо видные) деятели коммунистической оппозиции подверглись репрессиям. Одно из немногих исключений – чрезвычайный и полномочный посол СССР Александра Коллонтай (1872–1952), некогда возглавлявшая “рабочую оппозицию”. Главный и самый непримиримый оппозиционер Л. Д. Троцкий был убит в 1940 году в Мексике Рамоном Меркадером.

Что же касается кино, то в 1930-е годы лидеры оппозиции практически исчезли с экранов, а если появлялись, то в образе противников партии. Например, в картине “Ленин в 1918 году” (“Мосфильм”, 1939) режиссёра Михаила Ромма тяжело раненный, умирающий чекист просит передать Дзержинскому, что “Троцкий, Каменев, Бухарин – предатели”. В другом эпизоде Ленин перед отъездом на завод Михельсона яростно спорит с Н. И. Бухариным,

* Подробнее об этом см.: Матюхин А. В. Элементы социал-дарвинизма российской действительности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vestnik.astu.org/temp/204509148e8575c812ce4419fd1f11ce.pdf>. (Дата обращения 20.08.2021.)

обвиняя его в гибели председателя Петрочка М. С. Урицкого: “Вы разлагаете партию, вы раскалываете партию. Враг этим пользуется, стреляет в нас...” Бухарин заверяет, что отказывается от фракционной борьбы, но после отъезда Ленина отправляет прибывших чекистов вместо завода Михельсона в Лефортовский манеж, из чего зритель может сделать вывод, что “любимец партии” знал о готовящемся на вождя покушении (впоследствии эта сцена была вырезана).

Имя Троцкого упоминается в одном из финальных эпизодов истерна “Крушение эмирата” (“Мосфильм” – Ташкентская киностудия, 1955). Иностранный резидент Уолфорд, готовясь бежать из осаждённой Бухары, отдаёт последние распоряжения младобухарцам: “Дальнейшие инструкции вы получите от людей господина Троцкого”. Правда, фраза звучит двусмысленно, поскольку в 1920 году “человеком Троцкого” (председателя Реввоенсовета) был и сам командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, руководивший штурмом Бухары...

Но оппозиция – это не только лидеры, а также тысячи коммунистов и комсомольцев, так или иначе её поддержавших. В 1930-е годы оппозиционеры нередко фигурировали в фильмах о чекистах. Как правило, они показаны затаившимися врагами, которые мстят советской власти за свой политический проигрыш. Так, в картине “Высокая награда” режиссёра Евгения Шнейдера (“Союздетфильм”, 1939) тайным троцкистом является студент консерватории Анатолий Свентицкий. Когда-то он даже бывал на даче некоего общественного деятеля, “который был расстрелян по первому процессу” (вероятно Зиновьева или Каменева). Теперь же, выполняя задание иностранной разведки, Свентицкий пытается выкрасть секретные чертежи у профессора Боголюбова, пользуясь знакомством с его дочерью. Правда, действует того времени неумело, что вскоре попадает в поле зрения чекистов. Чтобы запутать следы, резидент убивает Свентицкого, инсценируя самоубийство. В картине “Честь” режиссёра Евгения Червякова (“Мосфильм”, 1938) действует троцкистско-бухаринская организация, связанная с неким подпольным центром и возглавляемая начальником депо Клычко (бывшим оппозиционером). Чекисты разоблачают и обезвреживают вредителей, когда те пытаются устроить аварию на железной дороге.

Но, как ни парадоксально, именно тогда же, в 1930-е годы появилась единственная картина (вернее, кинодиалогия), где борьба с оппозицией становится центральной темой – это “Великий гражданин” режиссёра Фридриха Эрмлера (“Ленфильм”), первая часть которой была снята в 1937-м, а вторая – в 1939 году. Понятно, что фильм соответствует идеологии того времени. Однако его нельзя назвать политическим плакатом. Персонажи, включая оппозиционеров, показаны живыми людьми со своими характерами и манерами, а средства внутрипартийной борьбы (“кадровые” передвижки, подтасовки на выборах и т. д.) вполне соответствуют историческим реалиям.

Действие первого фильма происходит в 1925–1927 годах в крупном промышленном городе; в нём нетрудно угадать Ленинград. Основные персонажи – работники партийного аппарата, а также рядовые коммунисты, в основном рабочие завода “Красный металлист” (кинообраз “Красного путиловца”).

Секретарь губкома Алексей Дмитриевич Карташёв (в другом титре фамилия написана “Карташов”) по внешности и статусу явно представляет Г. Е. Зиновьева – руководителя Петрограда–Ленинграда в 1918–1926 годах. Однако есть и различия: Карташёв – русский и, вероятно, носит свою настоящую фамилию; он неплохо образован и воспитан. По возрасту он на год моложе Зиновьева (5 сентября 1934 года ему исполняется 50 лет). Человек неглупый, амбициозный, артистичный, Карташёв (актёр Иван Берсенев) любит быть в центре внимания. Во втором фильме он, даже встав на путь терроризма и вредительства, хочет сохранить внешнюю респектабельность и возмущается словами Пятакова, когда тот цинично предлагает пожертвовать одним из сторонников.

На словах декларируя верность партии, Карташёв отрицает возможность построения социализма без помощи мировой революции в “толстозадой, неповоротливой” России. Но не только идейные разногласия побуждают его выступить против ЦК РКП(б). Вернувшись из командировки в Москву, он делится со своим единомышленником Боровским: “Они хотят нас сдать в архив... Но они забывают, что наши судьбы тесно связаны с судьбой революции”.

Карташёв преисполнен чувством личного превосходства и относит себя к “ленинской гвардии”, высшей партийной касте, которая единственная, по его мнению, вправе решать судьбы страны и народа.

Карташёва поддерживают партийный аппаратчик Боровский, редактор газеты Гладких и другие видные коммунисты. В губкоме его единственный оппонент — Пётр Михайлович Шахов (актёр Николай Боголюбов). Именно Шахов является в фильме “великим гражданином”, и даже по фамилии можно понять, что его прототип — Сергей Миронович Киров, после XIV съезда сменивший Зиновьева на посту 1-го секретаря Ленинградского губкома ВКП(б). Но если реальный Киров прибыл в Ленинград уже после осуждения “новой оппозиции”, то в фильме Шахов самостоятельно начинает борьбу со своим влиятельным противником, находясь на скромной должности секретаря райкома и одного из членов губкома партии.

В первой части отсутствует точная хронология событий, но по косвенным деталям можно понять, что действие начинается осенью 1925 года: персонажи обсуждают подготовку к XIV съезду РКП(б), который состоялся в декабре 1925 года. В последнем эпизоде показана Первомайская демонстрация, где оппозиционеры, попытавшись выйти на улицы со своими лозунгами, получили решительный отпор. Здесь выступление троцкистов и зиновьевцев перенесено с 7 мая 1927 года.

Конфликт между Карташёвым и Шаховым разгорается вокруг рационализаторских предложений двух друзей-рабочих завода “Красный металлист” Владимира Дубка и Савелия Каца. Поскольку модернизация производства неизбежно ведёт к сокращению штатов и увольнениям, это вызывает массовое недовольство. Рабочие даже избивают Каца. Губернская партийная верхушка тоже осуждает “горе-рационализаторов” (статья под таким названием появляется в местной газете). Только Шахов и секретарь заводского комитета Семён Колесников защищают Дубка и Каца. Сохраняя веру в партию, Шахов отправляет в Москву (видимо, в газету “Правда”) свою статью “Ошибка или преступление”, которую отказываются печатать в губернской газете.

С каждым эпизодом политическое противостояние нарастает. Под предлогом направления на учёбу губком снимает с должности Колесникова и назначает вместо него оппозиционера Брянцева. В город не доходит номер московской газеты с “запрещённой” статьёй Шахова. Об этом случайно узнаёт Колесников, обнаружив “пропавший” выпуск в поезде у попутчицы. Назначая важное партсобрание, “фронта” скрывает от своих оппонентов время начала. В ответ сторонники Шахова тоже применяют хитрость: устраивают совещание под видом свадьбы Колесникова и работницы Нади. По их призыву на партийное собрание завода “Красный металлист” приходят сотни рабочих других предприятий. Они срывают выступления губкомовских ораторов и единодушно поддерживают Шахова. Собрание завершается символической сценой: весь зал, поднявшись, исполняет Интернационал. Молчит лишь проигравшая фронта — Карташёв, Боровский и Брянцев, а позади на стене зловецом возвышаются их тени.

Кроме того, на помощь Шахову приходит Москва: в город прибывает представитель Центральной контрольной комиссии бывший рабочий Максим — герой популярной кинотрилогии 1930-х годов (актёр Борис Чирков). Но даже потерпев сокрушительное поражение, оппозиционеры не намерены сдаваться. “Мы должны создать впечатление, что нас больше нет... А мы существуем... — рассуждает Боровский — Что может быть сильнее, чем тайная сила, о которой никто не подозревает!...” Лидеры оппозиции призывают многих оставшихся клеветов привлекать на свою сторону недовольных, особенно молодёжь, которая “любит романтику”. Сами они готовы даже вступить в контакт с консулом некоей державы...

Во второй части показаны события 1934 года. Организованной оппозиции больше нет, но её бывшие участники не сложили оружия, перейдя от идейной полемики и бюрократических интриг к тайной войне (шпионаж, диверсии, террор). И если в первой части эти персонажи выглядят политически самостоятельными фигурами, то теперь они выродились в послушных агентов иностранных разведок. В тайной организации состоят не только бывшие оппозиционеры, но и другие враги советской власти (по словам чекиста, туда “даже один масон затесался”). Шахов, к тому времени ставший главой краевого комитета партии, вызывает у врагов особую ненависть; вдобавок зарубежные “хозяева” недовольны “вялостью” троцкистского подполья и прямо сообщают

о своей заинтересованности в убийстве Шахова. Совершить теракт во время слёта ударников соглашается Брянцев...

Образы оппозиционеров представлены реалистично, с элементами политической пародии, но без карикатурности. В конце 1930-х годов события, связанные с разгромом оппозиции, были ещё свежи в памяти современников. Можно предположить, что, по крайней мере, некоторые персонажи (Карташёв, Боровский, Пятаков и др.), похожие на своих прототипов внешностью, манерами, жестами, мимикой, выглядели узнаваемо для зрителей 1930-х годов.

Если Карташёв любит порисоваться, то Сергей Васильевич Боровский (актёр Олег Жаков), болезненный, внешне закомплексованный, мало заботится о своей привлекательности. Он обладает самолюбием иного рода, считая себя крупным политическим стратегом, незаменимым знатоком аппаратных игр. «Я знаю себе цену, — говорит он Брянцеву, — Я не хочу кончать свою жизнь конторщиком в загсе. Понимаете, не хочу и не буду». В отличие от эмоционального Карташёва, настроение которого скачет от радужного оптимизма к панике (черта, свойственная Зиновьеву), Боровский умеет владеть собой и первым предлагает новую тактику борьбы.

Боровского можно принять за прототип Г. Л. Пятакова. Но этот реальный деятель оппозиции (актёр Александр Виолинов) тоже появляется во втором фильме как один из руководителей подпольного центра, имеющего связь с Троцким. Пятаков держится с Карташёвым по-приятельски, но при этом не скрывает презрения к рядовым соратникам. Впрочем, панибратский тон не мешает ему манипулировать и Карташёвым, на которого он перекладывает неприятный разговор с резидентом.

Иначе показан оппозиционер Брянцев. При первом появлении, когда Боровский знакомит его с Шаховым, он держится вежливо и скромно, с оттенком смущения. Брянцев не принадлежит к числу партийных вождей. Ему лестно покровительство Боровского, а выдвижение на должность секретаря парторганизации крупного завода представляется первым шагом в успешной партийной карьере. Даже после поражения оппозиции его, как и Боровского, не устраивают «загсовские перспективы». Лишь к концу второго фильма Брянцев утратил всякие надежды на реванш. Разочарованный, озлобленный, потерявший работу (безработным был и убийца С. М. Кирова Леонид Николаев), этот незадачливый карьерист без лишних слов соглашается на убийство Шахова. Для него теракт — это и способ мести, и последняя возможность громко заявить о себе...

Но не все оппозиционеры представлены безнадёжными врагами. Так, рабочий Дронов, поначалу сторонник Карташёва, во втором фильме полностью отходит от троцкистов. Он искренне переживает своё исключение из партии, честно трудится, всеми силами стараясь искупить недолгое пребывание в оппозиции. Когда Боровский пытается привлечь его к вредительству, Дронов возмущённо уходит, отшвырнув в сторону своего искusstителя (за что троцкисты убивают его, подстроив несчастный случай). Хотя Дронов и Брянцев ведут себя по-разному, для вождей оппозиции оба они — «пушечное мясо», пешки, которыми можно легко пожертвовать...

Борьбе с троцкистами посвящена часть картины «Вихри враждебные» («Мосфильм», 1956) — о председателе ВЧК Феликсе Дзержинском. Став главой Высшего совета народного хозяйства СССР, Дзержинский схлестывается со своим заместителем Г. Л. Пятаковым. Формально тот отказался от оппозиционной деятельности: «Было время, когда я действительно колебался и даже числился в троцкистском уклоне. Но я же искренне раскаялся. Я честно перед партией признал свои ошибки и разоружился». Одновременно Пятаков принимает вредные для экономики директивы, деморализует рабочих и по сути занимается бюрократическим вредительством. Параллельно на заводе «Югосталь» действует подпольная троцкистская организация, в которой объединились не только оппозиционеры, но и бывшие белогвардейцы. И хотя в конце фильма эти враги разоблачены и схвачены чекистами, главные лидеры оппозиции по-прежнему недостижимы. В последнем эпизоде Троцкий и Зиновьев пытаются сорвать обличительную речь Ф. Э. Дзержинского. Когда же это не удалось, то четверо оппозиционеров во главе с Троцким демонстративно покидают зал, давая понять, что борьба не окончена.

В 1950-е — 1980-е годы появился целый ряд фильмов, где опальные вожди представлены вполне нейтрально. Так, в картине «В дни Октября» режиссёра

Сергея Васильева (“Ленфильм”, 1958) по книге Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир” присутствуют Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. В “Синей тетради” Льва Кулиджанова (к/ст. им. Горького, 1963) вождя мирового пролетариата летом 1917 года сопровождает в Разливе Зиновьев. В фильме “Доверие” Виктора Трегубовича (СССР – Финляндия, 1975) с Лениным полемизирует по вопросу независимости Финляндии Г. Л. Пятаков. Правда, нигде не показана дальнейшая судьба этих людей или их противостояние И. В. Сталину (впрочем, и Сталин в те годы появлялся, главным образом, в картинах о Великой Отечественной войне).

А как выглядят оппозиционеры в экранизациях литературных произведений? В романе “Как закалялась сталь” Николая Островского испытание оппозицией – это очередное испытание, которое проходят Павка Корчагин и его товарищи, подобно фронтам гражданской войны, борьбе с бандитизмом или строительству узкоколейки. На всех этапах поколение первых комсомольцев одерживает победы, но также несёт и потери. В раннем варианте книги Павка даже попадает в “рабочую оппозицию”, но впоследствии Н. А. Островский убрал этот эпизод. Борьбе с троцкизмом посвящена 5-я глава 2-й части романа, где описана дискуссия осени 1923 года. Среди комсомольцев, поддержавших позицию Троцкого, – не только карьерист и бюрократ Владимир Туфта, но и давние товарищи Павла – Дмитрий Цветаев, участник строительства узкоколейки Дмитрий Дубава. . . Когда-то Дубава поддерживал “рабочую оппозицию” и теперь, по выражению комсомолки Тали, снова “уронил” партийное знамя.

Оставив занятия в Харьковском коммунистическом университете, Дубава возвращается в Киев, чтобы поочерёдно обходить комсомольские ячейки, агитируя за программу оппозиции. Понимая, что находятся в меньшинстве, троцкисты используют метод концентрации всех своих сил на собраниях отдельных ячеек, но даже при таком искусственно созданном “большинстве” везде терпят провал. Не встретили они поддержки и на городской партийной конференции. В отличие от товарищей, решивших честно подчиниться большинству, Дубава предлагает временно затаиться: “Сейчас продолжать борьбу открыто. . . значит вылететь из партии, что в план наших действий не входит”. Его поддерживает Цветаев. В романе упоминается также выступление “новой оппозиции”.

Островский связывает поражение троцкистов не только с дискуссией. 5-я глава завершается вступлением в партию Артёма Корчагина, брата Павла, и Захара Брузжака, отца погибших Серёжи и Вали. Массовый приём в РКП(б) тысяч новых коммунистов после смерти Ленина (так называемый ленинский призыв) многократно увеличивает численность, силу и уверенность в правоте партийного большинства.

Павел Корчагин в этой главе как бы отходит на второй план. Лишь на городской конференции Таля зачитывает письмо о его выступлении против троцкистов на собрания в ячейке окрвоенкомата. Оппозиционеры пытаются заглушить речь Павла шумом и свистом, а затем стаскивают его с трибуны и даже разбивают в кровь лицо. Однако у членов ячейки эта картина вызвала обратную реакцию: почти все они “голосуют” против оппозиции уходом с собрания.

Но, обличая троцкистов как идейных противников, Павел по-человечески сочувствует своему старому товарищу Дмитрию Дубаве, считая, что тот “когда-то был неплохим парнем”. Придя к нему домой, Корчагин в последний раз пытается поговорить по душам. Но в комнате Дубавы находится проститутка, а от него самого несёт винным перегаром. Высказав своё раздражение приходом Павла, Дмитрий уходит, оставляя друга на лестничной площадке. Позже Павел узнаёт от Ивана Жаркого, что Дубава после исключения из партии оставил коммунистический университет. И хотя внешне его жизнь сложилась благополучно (он поступил в московский вуз и даже, “по слухам”, был восстановлен в партии), в глазах старых товарищей Дмитрий утратил прежнее уважение и доверие. “Отравленный он человек. . .” – говорит о нём Жаркий.

Из трёх советских экранизаций романа троцкисты присутствуют лишь в последней – 6-серийном телевизионном фильме “Как закалялась сталь” режиссёра Николая Машенко (к/ст. им. А. Довженко, 1973). Благодаря талантливому первоисточнику, яркой игре актёров, любимейшей народу песне, картина до сих пор привлекает внимание зрителей. Вместе с тем кинопостановке явно не хватает динамики действия, которая делает книгу захватывающей.

Ряд эпизодов необоснованно растянут, персонажи двигаются и говорят, словно на замедленной съёмке. И хотя 6-серийный формат картины позволял экранизировать роман с теми подробностями, что не уместились в прежние постановки, ряд сюжетных линий отсутствует или представлен искажённо. Например, детство Павки отражено в обрывочных фрагментах, где священник обвиняет юношу (по виду уже не ребёнка), что тот не верует в Бога, не ходит в церковь и не учит Закон Божий, тогда как в книге юный Павка получал по Закону Божию пятёрки. Священника он разозлил отнюдь не атеизмом или нежеланием учиться, а наивным вопросом, почему Библия и учитель старших классов по-разному разъясняют происхождение Земли. Комсомольского вожака Гришу Хороводько в книге убивают контрабандисты в отместку за его разоблачения, а в фильме его гибель, по сути, случайна (убийцы приняли его за Корчагина)...

Нарушена и хронология событий. Так, в книге (и в реальности) описанная Островским дискуссия с троцкистами проходила осенью 1923 года. В фильме она почему-то перенесена на два года раньше и предшествует строительству узкоколейки. В 3-й серии показана конференция, где Рита Устинович подводит итог дискуссии, а Корчагин выступает с обличительной речью. После этого комсомольцы-троцкисты (не очень юного вида) покидают зал. Но если в книге Павел в буквальном смысле бьётся за право высказаться, то здесь он произносит анитроцкистскую речь при благоговейном молчании зала. Образ Дмитрия Цветаева объединён в фильме сразу с двумя персонажами – Дмитрием Дубавой и бывшим гимназистом Развалихиным. В 5-й серии именно к Цветаеву Павел приходит домой и застаёт в обществе проститутки. В следующем кадре Дмитрия исключают из комсомола, однако не за связь с оппозицией, а за “разгильдяйство и разврат” (в книге этот эпизод относится к Развалихину). В доверительном разговоре Цветаев признаётся Павлу: “Трудно мне. Больно очень. Кажется, всему конец. Трагедия в мозгу, в каждой клетке. Но если это всё ради чистоты нашей, о которой ты говоришь, я готов пройти всё сначала – Боярку, тиф, лишения...”

Троцкисты в картине больше не появляются, но в одном из следующих эпизодов Павел, приехав в Москву на VI съезд комсомола (1924), любуется развешанными в зале транспарантами: “Вон оппортунистов из наших рядов!”, “Долой дезорганизаторов социалистического наступления!”, а в речи докладчика упоминается борьба с антипартийными уклонами.

Однако даже такие скромные штрихи отсутствуют в 7-серийном телефильме “Мужество” режиссёра Бориса Савченко (к/ст. им. Довженко, 1980–1981) по одноимённому роману В. К. Кетлинской. А, между тем, картина могла бы стать своеобразным продолжением “Великого гражданина”. Ведь в первоисточнике в Новом городе действует целая подпольная организация троцкистов во главе с заместителем начальника строительства Алексеем Гранатовым. В глазах комсомольцев он окружён романтическим ореолом: работая инженером на КВЖД, он попал в застенки харбинской контрразведки, где выдержал жестокие пытки, так и не дав показаний против советских служащих. Как свидетельствует мужество Гранатова, комсомольцы видят его изувеченные руки (в действительности результат сделанной под наркозом операции). Но, произнося пылкие речи, спекулируя на энтузиазме молодёжи, этот тайный троцкист на деле срывает поставки продовольствия, товаров и оборудования, чем обрекает рабочих на лишения и провоцирует массовое бегство со строительства...

Вокруг троцкистов как единственной крупной антисоветской силы группируются все недовольные советской властью. В этой тайной войне враги используют вредительство, диверсии, саботаж, а бывший кулак Парамонов убивает секретаря горкома Морозова.

Козням троцкистов активно противостоит архитектор Клара Каплан. Дочь крупных торговцев, она теряет родителей во время гражданской войны и вырастает фанатичной коммунисткой. Клара не лишена женского тщеславия: её тянет отнюдь не к фанатичным бессребреникам, а к успешным мужчинам-управленцам. Левицкий, её первый муж, – один из руководителей крупного института в Ленинграде; в Новом городе она сближается с начальником строительства Вернером; ухаживает за ней и Гранатов, стараясь войти в доверие.

Правда, любовь к Левицкому не помешала Кларе пойти с доносом в Контрольную комиссию, когда она узнала, что лучший друг мужа – исключённый из партии троцкист. В результате Левицкий арестован, а Клара, пытаясь

забыть ею же разбитый брак, уезжает далеко от Ленинграда. В Новом городе она противостоит Гранатову и едва не становится жертвой его клеветы (тот пытается обвинить Клару в подозрительных связях и сокрытии прошлого). В конце романа троцкисты совершают диверсию, но пожар в механическом цехе удаётся потушить, а сами враги, включая Гранатова, разоблачены и арестованы.

Иначе представлена эта линия в экранизации. Фамилия Клары не звучит вовсе (видимо, потому, что исполнительнице этой роли Ирине Алфёровой вряд ли подошла бы фамилия Каплан). Особым фанатизмом героиня не отличается, да и разоблачать ей некого. История с Левицким отсутствует, видимо, потому, что на “закате социализма” донос жены на мужа, причём виновного лишь в сохранении дружбы с исключённым из партии товарищем, вряд ли вызвал бы симпатию зрителей.

Единственный враг советской власти – бежавший из арестантского поезда кулак Парамонов – скрывается в тайге на положении затравленного волка. Морозова он убивает случайно, при неожиданной встрече. Что же касается Алексея Гранатова в исполнении Богдана Ступки, то в фильме он почему-то фигурирует под именем Николай Михайлович, а к троцкизму не имеет никакого отношения. Его попытка оклеветать Клару выглядит мстостью за мужскую неудачу. И если в книге первичная организация отстраняет Каплан от партийной работы, то в фильме положительные герои единодушно встают на её защиту. В результате должности лишается сам Гранатов. Но покидая Город вместе с Диной (непутёвой женой комсомольского вожака Андрея Круглова), он утешается словами: “Вы сохранили своё обаяние, я – партбилет”. Словом, в фильме Гранатов – никакой не оппозиционер и не вредитель, а обычный карьерист, хотя в таком контексте некоторые детали остаются неясными: например, тайна изуродованных рук (правда, в фильме он не показывает их, а постоянно носит перчатки).

Почему создатели сериала исключили занимательную “троцкистскую” интригу? Вероятно, они сочли, что зрители 1980-х годов больше заинтересуются любовными отношениями героев, чем политическим противостоянием. Но, пожалуй, главной причиной можно назвать недоверие к ситуации, описанной в романе, когда бывшие коммунисты, переродившись во вредителей и шпионов, ведут борьбу против ими же установленной советской власти. В этом смысле сериал “Мужество” предвосхитил состоявшуюся через несколько лет реабилитацию Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина и других “левых” и “правых” оппозиционеров.

Отсутствует “троцкистская” линия и в телесериале “Вечный зов” режиссёров Владимира Краснопольского и Валерия Ускова (“Мосфильм”, 1973–1983). Если в одноимённом романе А. С. Иванова бывший следователь Охранного отделения Арнольд Лахновский в 1920-е годы примыкает к троцкистской оппозиции и занимается расстановкой кадров, то в фильме он в это время возглавляет таёжную банду в Сибири, разгромленную чекистом Яковом Алейниковым (что выглядит более правдоподобно). В следующей 7-й серии упоминается о побеге Лахновского, а в 14-й серии он объявляется уже в 1943 году на оккупированной территории в качестве офицера абвера, завербованного германской разведкой на Украине в предвоенные годы.

Думается, на “закате социализма” тема оппозиции редко отражалась в кино не только потому, что её вожди не были ещё реабилитированы. На фоне однообразных съездов, речей по бумажке, дежурных оваций слишком контрастно выглядели бы дискуссии 1920-х годов, живое обсуждение коммунистами государственных и мировых вопросов...

В годы “перестройки” практически все лидеры оппозиции, подвергшиеся репрессиям, были реабилитированы. Правда, общественное восхищение этими деятелями длилось недолго. Вскоре “шестидесятническая” концепция “хорошего Ленина” (и его “гвардии”) и “плохого Сталина” затрещала по швам под напором открывавшихся исторических фактов. Лично для меня одним из главных литературных открытий времён “перестройки” стали не “Дети Арбата”, где самое интересное – пересказ мемуаров чекиста-невозвращенца А. Орлова (ещё не изданных в СССР), а повесть Владимира Зазубрина “Щепка”, опубликованная в журнале “Наш современник”. Сейчас уже давно ясно, что трагедия 1937 года началась, как минимум, в 1917 году, а при более глубоком рассмотрении – гораздо раньше...

С конца 1980-х годов появилось немало исторических фильмов о жертвах политических репрессий, осуждённых по ложным или ошибочным обвинениям: “Покаяние”, “Холодное лето пятьдесят третьего”, “Завтра была война”, “Ад, или Досье на самого себя”... Гораздо реже встречаются картины, где персонажи реально борются с советским режимом или лично со Сталиным за власть в стране. Так что и здесь “урожай” получился скудным. В киноленте “Троцкий” (“Мосфильм” и др., 1993) авторам лучше удалось мексиканские пейзажи с кактусами, чем исторические эпизоды. Снятый по сценарию Эдуарда Володарского и Леонида Марягина (он же режиссёр-постановщик), фильм выглядит типичным продуктом “перестроечной” конъюнктуры. Зрители, желающие увидеть внятный сюжет – жизненный путь Троцкого, его политическую карьеру, борьбу со Сталиным или хотя бы роман с Натальей Седовой, – будут разочарованы. Главный герой по преимуществу занят тем, что расстреливает людей и разводит кроликов. С экрана периодически звучат две фразы: “Расстрелять!” и “Отгрызу яйца!”. Первую команду отдаёт сам “красный наполеон”, не относя её разве что к кроликам. Второй перл изрекает чекист, руководитель зарубежной агентуры, видимо, за отсутствием иных средств давления на сотрудников. Складывается впечатление, что авторы фильма так спешили отправиться в Мексику, что не позаботились ни о качестве киноснарария, ни о консультантах-историках.

Более удачной получилась картина “Враг народа – Бухарин” (“Мосфильм”, к/ст. “Союз”, 1990), также снятая Леонидом Марягиным. Судьба Н. И. Бухарина предстаёт в обрывочных сценах и образах, всплывающих в его памяти во время репетиции московского процесса правотроцкистского блока (1938). Сидя на скамье подсудимых, обвинённый и опозоренный своими же товарищами, бывший “любимец партии” вспоминает свою жизнь, но не находит в прошлом ни утешения для совести, ни подкрепления для духовных сил...

Будущие политические битвы 1920-х годов проглядываются в событиях 9-серийного телевизионного фильма Сергея Колосова “Раскол” (ТО “Экран” и др., 1993). Действие происходит в 1897–1905 годах, когда В. И. Ленин начал свою борьбу – не столько за революцию, сколько за первенство в социал-демократической партии. Ради этой цели он ловко и беспринципно использует своих товарищей, затем хладнокровно отбрасывая в сторону, как это было с П. Б. Струве, Ю. О. Мартовым и даже знаменитым “отцом” русского марксизма Г. В. Плехановым... Но вот в Лондоне появляется бежавший из сибирской ссылки молодой человек – и в короткий срок становится едва ли не главным соперником Ленина. Роль Троцкого исторически и психологически верно сыграл Владимир Осипчук (к сожалению, погибший ещё до выхода сериала). Хотя в фильме снимались многие корифеи советского кино (Р. Адомайтис, А. Харитонов, А. Джигарханян, Л. Касаткина, Б. Плотников, В. Сторожик и др.), молодой актёр несколько не теряется на “звёздном” фоне. Его персонаж Лейба Бронштейн привлекает всеобщее внимание умом, талантом, энергией... И одновременно в его характере уже видны черты, что в дальнейшем способствовали его политическому краху (непомерная гордость, высокомерие и др.).

В современном российском кино тема политической борьбы 1920-х годов почти отсутствует. Опускаем сериал “Троцкий”, который смотреть невозможно из-за антиисторичности и художественной бездарности. Зато троцкисты интересно показаны в 12-серийном телефильме “Завещание Ленина” режиссёра Николая Досталы (“МакДос”, “Эталон-фильм”, 2007), посвящённом трагической судьбе писателя Варлама Шаламова. Будучи совсем молодым человеком, не состоя ни в ВКП(б), ни в ВЛКСМ, он искренне поддержал троцкистско-зиновьевскую оппозицию, за что много лет провёл в лагерях. Интересно, что отец режиссёра-постановщика, Н. В. Досталь (1909–1959), был вторым режиссёром уже упомянутой картины “Вихри враждебные”.

В “Завещании Ленина” троцкисты появляются в 3-й серии. В 1927 году Варлам, студент юридического факультета Московского университета, знакомится и сближается с однокурсницей Саррой, называющей себя “Молнией”, и её другом Ароном – “Громобоем”. Надо сказать, актриса Алиса Хазанова убедительно воплотила образ своей героини. Дочь видного партийца, девушка привыкла к привилегированному положению, а коммунистические взгляды не мешают ей покрикивать на домработницу Груню, по возрасту годящуюся ей

в матери. По себе она судит и о Варламе: приглашая его в свой круг, “Молния” уверена, что сын священника-“лишенца” ухватится за шанс сделать карьеру после прихода к власти “настоящей коммунистической молодёжи”. Между тем, у юноши совсем иные мотивы: это и врождённое чувство справедливости, которой он не видит в окружающем мире, и романтизм, и влюблённость в Сарру. Он присоединяется к кружку юных троцкистов, помогает печатать и распространять “завещание” Ленина, не отдавая себе отчёта в том, что стал пешкой в чужой борьбе за власть.

Символический эпизод на заводе Михельсона, где отец Сарры занимает высокую должность – то ли директора, то ли главного инженера. Девушка приводит туда друзей, чтобы распространить листовки среди рабочих и устроить митинг в поддержку Троцкого. Рабочие держатся вежливо с дочкой своего начальника, даже называют по имени-отчеству (Сарра Менделевна), но твёрдо дают понять, что политические амбиции им чужды. В своей настойчивости юные оппозиционеры похожи на избалованных барчат, требующих, чтобы взрослые с ними играли. А у взрослых свои дела: в цехах их ждёт работа, дома – жёны и дети, которых надо содержать. Точку в троцкистском “хождении в народ” ставит появившийся отец Сарры. Будучи не в восторге от выкрутасов доченьки, он, к облегчению рабочих, отвозит “революционеров” обратно в университет.

В другом эпизоде выразительно показано отношение Троцкого к своим рядовым приверженцам. Насколько можно судить, он умел общаться с “простыми” людьми, если хотел. Но хотел он этого редко и даже своих коллег из партийного руководства почитал ниже себя. Большинство его близких соратников тоже соответствовали поговорке “каков поп – таков и приход”. Так что рядовым троцкистам (как и современным рядовым оппозиционерам) приходилось вдвойне несладко. С одной стороны, они первыми, прежде своих вождей, изгонялись из партии, подвергались арестам. С другой – их не согревала уверенность, что вожди о них помнят, ценят и готовы в меру сил защищать. Скорее, наоборот...

После ареста “Молнии” Варлам с “Громобоем” приходят на квартиру к Троцкому, пытаются получить помощь или совет. В подъезде дома их останавливает охранник, расспрашивает, кто они, к кому и зачем пришли. После чего наведывается в квартиру и, вернувшись, сообщает, что Троцкий не может принять гостей, поскольку занят игрой в шахматы с Луначарским. Ситуация, когда амбициозный политик не счёл нужным уделить несколько минут своим последним приверженцам, возможно, уже обречённым, открывает юношам жестокую правду, как мало они значат для своего вождя.

К сожалению, в фильме мало виден исторический фон событий. Лишь один раз, в записке, посланной Варламу, “Молния” сообщает об исключении из партии коммунистов-оппозиционеров. А между тем, осенью 1927 года Л. Д. Троцкий и его соратники в последний раз попытались объединить вокруг себя силы оппозиции. Особенно активно они действовали в Москве, где практически ежедневно проходили полулегальные собрания, совещания, политические лекции, диспуты и т. д. А в фильме юные троцкисты ни с кем не встречаются, кроме друг друга, не бывают на оппозиционных “тусовках”, даже не вспоминают о происходящих вокруг бурных событиях – таких, как внутрипартийная дискуссия 1927 года, демонстрация 7 ноября (в которой В. Шаламов принимал участие), самоубийство известного дипломата А. А. Иоффе, лично друга Л. Д. Троцкого, исключение из партии “красного наполеона” и его соратников, наконец, осуждение оппозиции на XV съезде ВКП(б)... Всего этого Варлам и его товарищи (дети высокопоставленных родителей) словно не замечают. А из материалов троцкистского “самиздата” они обсуждают лишь “завещание” Ленина, хотя за 1927–1929 годы один Троцкий написал множество брошюр, статей и открытых писем, не считая работ его соратников.

В дальнейшем Варламу довелось пережить арест и предательство близких товарищей. Тем не менее он сохраняет стойкость и не отрекается от своих убеждений, за что отбывает трёхлетний лагерный срок. Позже, перед Новым, 1937 годом, Варлам случайно встречает в Москве Арона и Сарру – уже пожившихся, успешных, не желающих “отставать от новой жизни”, смекнувших, что карьеру можно сделать и без Троцкого, уверенных, что уже расплатились судьбой друга за своё краткое увлечение троцкизмом, и не знающих, что конец их близок...

На этом, пожалуй, можно закончить обзор фильмов, где так или иначе затронута тема коммунистической оппозиции. Увы, современные российские киношники почему-то разучились снимать хорошие исторические картины (и не только о Троцком). С одной стороны, голая коммерция, скорое “сляпывание” дешёвых поделок — без глубокого изучения и осмысления эпохи, без привлечения специалистов, без серьёзного вживания актёров в исторические образы... С другой — утверждение на исторических сюжетах “себя любимого” ради получения приза на каком-нибудь фестивале “арт-хауса”... В результате зрители получают либо “Тельца”, известного в народе, как “мать в зелёных тонах”, невесть за что заваленную премиями и благополучно забытую сразу после выдачи оных, либо сериал “Троцкий”, авторы которого даже не скрывали равнодушия к исторической достоверности.

Поэтому остаётся лишь надеяться, что когда-нибудь ситуация в российском кинематографе начнёт меняться к лучшему. Пока же без всяких цензурных запретов целый пласт исторических событий остаётся “за кадром”, хотя, казалось бы, содержит все признаки грандиозной исторической драмы: трагическая эпоха, ожесточённая борьба за власть между недавними товарищами, и не просто за власть — за выбор государственного пути России на целые десятилетия, жестокая расплата за поражение и перемолотые судьбы... Вечная тема борьбы, вечное столкновение идей и характеров.